

ские наглядные схемы трех уровней обобщения. Оперирование диалектическими наглядными схемами в качестве мыслительных средств дошкольниками предоставляет возможность решения интеллектуальных и творческих задач разных уровней.

Литература:

1. Венгер Л. А. О некоторых проблемах и путях изучения развития умственных способностей ребенка // Проблемы формирования познавательных способностей в дошкольном возрасте / Под ред. Л. А. Венгера и др. — М., 1980.
2. Веракса Н. Е. Развитие предпосылок диалектического мышления в дошкольном возрасте // Вопросы психологии. — 1987. — № 4.
3. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. — М., 1983. — Т. 3.
4. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6 т. — М., 1984. — Т. 6.
5. Гальперин П. Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка. — М., 1985.
6. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. — М., 1987.
7. Давыдов В. В. Виды обобщений в обучении. — М., 1972.
8. Дьяченко О. М. Развитие воображения в дошкольном детстве // Дис. ... д-ра психол. наук. — М., 1990.
9. Ермакова Е. С. Изучение гибкости мышления дошкольников // Вопросы психологии. — 1987. — № 2.
10. Запорожец А. В. Психология детей дошкольного возраста / А. В. Запорожец, Д. Б. Эльконин // Развитие познавательных процессов. — М., 1967.
11. Леви-Строс К. Структурная антропология. — М., 1983.
12. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. — М., 1991.
13. Лотман Ю. М. Избранные статьи. — Таллин, 1992. — Т. 1.
14. Поддьяков Н. Н. Мышление дошкольника. — М., 1977.
15. Поддьяков Н. Н. О некоторых направлениях в исследовании мышления у дошкольников // Обучение и развитие младших школьников. — Киев, 1970.
16. Эльконин Д. Б. О способе опосредствованного решения задач «на соображение» // Вопросы психологии. — 1981. — № 1.

Черная А. В.

Традиционная игра как этнопсихологический феномен и форма воспитания

Обращение к историческому опыту народов в воспитании детей позволяет выделять игру как важнейшее средство приобщения ребенка к общечеловеческим (универсальным), этническим и индивидуальным ценностям развития, которые определяют особый статус ее в системе психологических, педагогических, культурологических, лингвистических, этнографических и многих других направлений научных исследований.

Игра как ведущая деятельность дошкольника (А. Н. Леонтьев), как практика развития (С. Л. Рубинштейн), как социальная по своей природе деятельность, возникшая из условий жизни ребенка в определенной социальной среде (Д. Б. Эльконин), как средство амплификации (обогащения) психического развития ребенка (А. В. Запорожец), как детская традиция (В. С. Мухина), как практика воспитания (Е. В. Субботский, Дж. Брунер), как неотъемлемая часть образа жизни и культуры народа (И. С. Кон), как способ передачи этнокультурного опыта, обеспечивающий инкультурацию ребенка (М. Мид), признается и исследуется мировым психологическим сообществом в качестве важнейшего компонента культурного развития ребенка.

Свое особое место в этом плане занимают традиционные игры, подвергнувшиеся этнографическому анализу (Э. Тейлор, М. Мид), психологическому анализу (С. Л. Новоселова, С. В. Григорьев, К. Монтенегро, М. А. Норбашева), педагогическому изучению (В. М. Григорьев, Н. Н. Палагина, А. Н. Фролова, С. А. Шмаков, Н. А. Асадулаева). Традиционные игры своими корнями уходят в древнейшие слои социокультурной истории и являются общечеловеческим культурным достоянием. Они заключают в своем содержании и транслируют особенности жизни и быта представителей этноса. В этой связи традиционные игры приобретают значимую роль в качестве специфического образова-

тельного института, обеспечивающего присвоение ребенком социального опыта.

Наука о традиционной игре представляется сегодня не дисциплинарно-интегративной, а проблемно-интегративной. В исторических, культурологических, этнографических подходах исследуются проблемы происхождения и культурно-исторической трансформации традиционной игры, ее места и роли в культуре этноса, общности и сходства игр у разных народов; в психолого-педагогической проблематике исследований традиционной игры обнаруживаются компоненты культурно-исторического, деятельностного, развивающего порядка; в этнопсихологических исследованиях прослеживаются национализирующие, придающие этничность и универсализирующие аспекты анализа традиционной игры. В практической и, казалось бы, утилитарной проблеме интеграции игры в субкультуру современного детства обнаруживаются компоненты социально-психологического, психолингвистического, поведенческого, средового порядка, требующие соответствующего подхода и осмысления. В то же время в сформировавшемся проблемном подходе к традиционной игре складывается достаточное представление о ней, раскрывающее путь к ее психологическому анализу.

Опираясь на теоретические определения характеристики игры, выработанные в системе психолого-педагогических знаний, и используя известные, адекватные нашей задаче подходы, мы попытались представить в настоящей работе результаты исследования традиционных игр (на материале по играм Дона), предпринятого в рамках проблемы «Ребенок и историко-культурный феномен традиционной игры».

Специфические исторические причины, связанные с «молодостью» субэтноса донского казачества, сделали реальной задачу анализа особенностей формирования социального пространства традиционной игры, функционирующей в рамках культурных традиций, базирующихся на единстве гражданского и военного начал.

Литературные источники прошлых веков, по которым восстановлены тексты, описывающие игры взрослых казаков и собственно детские игры, позволили реконструировать в значительной степени картину их бытования и стали основанием разработки методов и приемов проводимых нами исследований.

Игры казаков тесно вплетались в их жизнь, отражая специфику ее организации. Традиции коллективного жительствова пронизывали гражданскую и военную жизнь казачьей общины, в которую были непосредственно включены все — от мала до велика.

Детские игры, бытовавшие на Дону в прошлом, можно разделить на три группы. К первой группе мы отнесли игры, в которых прямо или косвенно отражались *особенности военного быта взрослых*. Во вторую группу — отражающие *особенности земледельческой деятельности*, крестьянского и семейного быта. В третью группу вошли игры с преобладанием *движений и действий*.

Игры первой группы складывались под влиянием впечатлений, навеянных рассказами взрослых казаков об их воинских походах.

Важным моментом в формировании игр казаков была специфика их деятельности, особенности организации жизни, которые и определяли в значительной степени характер таких игр.

Многочисленные игровые поединки, военные игрища взрослых казаков отражали их военные настроения. С. Номикосовым хорошо подмечена характерная особенность данного рода игр и игрищ: «Воинственные обитатели Дона создали и воинственные игры» [14. С. 318].

В масленичную неделю в донских станицах и хуторах проводились ссыпчины, игрища взрослых казаков (описаны *В. Головачевым, Б. Лащилиным*). Казаки «загуливали» — собирались и договаривались о предстоящей игре-гулянии. Распределялись роли между участниками: избирался «гулебный атаман», «есаул», «казначей», «колымага» — хозяин и распорядитель винной

бочки, в которую казаки собирали вино (отсюда, вероятно, пошло название ссыпчины). На кругу заранее объявлялись правила игры: все предупреждалось о том, что нарушивший правила с позором выбывал из игры. Женщины в «гулебную компанию» не допускались. В течение всей масленичной недели собравшиеся казаки объезжали дворы с грустными и веселыми песнями, где хозяева накрывали для них стол с закусками и вином. В один из дней казаки устраивали отчаянную джигитовку: скакали по улице во весь опор в одиночку и группами, перебрасывались с одной стороны коня на другую, на всем скаку схватывали сброшенную на землю шапку, вставали вверх ногами на круп лошади или спускались ей под живот. Это действие как бы возрождало «золотой век» казачьей вольницы и поддерживало традиции казачества: «На несколько дней в станице устанавливались законы казачьего круга и вся распорядительная власть переходила в руки избранному гулебному атаману» [2. С. 165]. Казачье вольное игрище сродни существовавшей на Руси традиции устраивать на Масленицу лубочные комедии и игрища, хорошо известные по описаниям многих исследователей. На Дону эта традиция приобрела черты удалого празднества в честь казачьего братства, угроза утраты которого существовала в реальной жизни, а в условиях гулебной кампании казаки видели возможность его сохранения.

Во время первопрестольных праздников и проводимых в казачьих станицах военных сборов малолеток (подростков 16—17 лет) перед молодежью открывались возможности померяться силами в разнообразных игровых поединках и игрищах. Широкое распространение среди казаков получили кулачные бои — кулачки, приуроченные к сельскохозяйственным, календарным и семейным праздникам [12. С. 387]. Кулачные бои, особый вид упражнений на кулаках, специальным образом вооруженных, были известны в Древней Греции. В русской семейной жизни кулачный бой считался удальством, приводившим некогда и к возвышению гордости, и одновременно к раздорам целые селения и города. Кулачные бои совершались в Древней Греции на турнирах, правила кулачного боя не допускали перехода его в драку. На Руси более всех почитался бой один на один, за ним — стена на стену, менее всего — сцеплялка-свалка [13. С. 176].

Кулачные бои описаны в числе увеселений Старочеркаска. Город разделялся на две части, и одна сторона шла на другую во главе со своими предводителями («Донские общевоинские ведомости», 1860). Часто кулачные бои происходили на Дону между жителями соседних станиц. В лесу между станицами Верхне-Кундрюченской и Нижне-Кундрюченской произошел бой между жителями этих станиц (записан С. Номикосовым, 1886). В отличие от кулачных боев древнегреческих воинов, в которых предусматривался поединок между двумя противниками, казаки устраивали коллективные «кулачки». Таким образом моделировалась ситуация поединка с неприятелем, в которой необходимо было умение противостоять ему.

Особый азарт охватывал всех станичников от мала до велика, это был азарт игры, но он был сродни казачьей отваге, отличавшей казаков в военных походах, и возбуждал, поднимал дух молодежи, приобщая ее к «азарту боя», прививая стремление к победе, воспитывая чувства группового единения. Каждая компания избирала себе ватажного атамана, судей и квартимистра, в каждой устраивалось военное сражение со стрельбой и метанием дротиков. У каждой команды станичников — свои знамена и хоругви, с которыми они торжественно следовали по улицам, останавливаясь у дворов. По окончании поединков все станичники собирались в станичной избе. «Народ бежит толпами, атаман выходит из станичной избы со стариками, знамена ставят вокруг, ватажные атаманы садятся при станичном атамане, пьют за высочайшее здоровье, потом за войскового атамана и Всевеликое войско донское и честную станицу с выстрелами» [8. С. 36].

Во время военных сборов и сборов малолеток, превращавшихся в донских станицах в настоящие народные гуляния, проводились особым образом организованные поединки казаков на лучших боевых конях с применением

ружей, дротиков, пик, луков и стрел. «Участники сборов соревновались в искусстве на всем скаку стрелять, мчаться во весь дух, стоя на седле и отмахиваясь саблями, а то и на всем скаку поднять монету или плетку с разостланной на земле бурки» [6. С. 27].

Высочайшего мастерства требовали проводимые в станицах скачки на мишень. На всем скаку надо было попасть копьем в «мишень» — кольцо, подвешенное на веревку, натянутую между столбами или в пучок камыша. Молодые казаки размечали место, ставили цель, «и вот первая стрела вонзалась над кругом, вторая вошла в круг, третья — в самую середину оного» [15. С. 62]. Такие игровые поединки поддерживали древнейшие традиции джигитовки, навыки которой казаки приобрели от своих предков и которые оттачивали на протяжении всей последующей истории, обнаруживая тем самым свою принадлежность к родовым видам деятельности.

Военные игровые упражнения (шермиции) тренировали в молодых казаках необыкновенную меткость. Среди казаков были такие стрелки, которые на большом расстоянии выбивали из рук монету, положенную между пальцами, а некоторые приобрели «такую меткость, что, пуская камень, убивали птиц и зайцев» [10. С. 127].

Игры в мяч, кости, шапки сопровождали все станичные праздники, были в большом почете среди казаков и способствовали приобретению навыка «быть шибким» [5. С. 15].

Как свидетельствует С. Номикосов, игра в мяч была едва ли не самой любимой забавой казачьего народа, которой в каждой станице в каждый праздник «предавались седобородые старики, чиновный люд и молодежь» [14. С. 316]. Своеобразной интерпретацией игры в мяч среди казаков была игра в шапки. Тому, кому выпадет жребий, завязывали глаза, он становился с расставленными ногами, между которыми и бросали играющие шапки со своей головы, стараясь забросить их как можно дальше. Когда все бросят, игрок с завязанными глазами шел их искать. Найдя одну из брошенных шапок, он бросал ее далеко в сторону, а в это время все остальные бросались за своими шапками и начинали «копотить» ими того, чья шапка была заброшена (записал В. Секретев, 1875).

Описание вариантов так называемых военных игр можно значительно расширить. Однако для нас важным в данном случае является то особое значение, которое придается военным играм в казачьем обществе и их месту в воспитании молодого поколения как необходимое условие сохранения традиционной организации жизнедеятельности этого общества.

Младшие дети, подростки, юноши были обязательными участниками этих игр, втягивающих всех жителей станицы, города и т. д., — «все общество».

Участие рядом со взрослыми во всех важных станичных делах: воинских смотрах, сборах казаков в поход, шермициях, уличных поединках, играх — молодежи носило для юношей-малолеток, подростков, вероятно, и для детей более младшего возраста иницирующий характер. Маленькие казачата видели возможности «личностных достижений», оставаясь лишь зрителями захватывающих зрелищ. Мальчики-подростки были не только зрителями. Их не только вовлекали во все перечисленные взрослые игры в качестве наблюдателей или посильных участников, но и устраивали специально организованные казачьи военные игры, в которых подростки занимали активную позицию и со всей ответственностью выполняли сложные правила игр.

«Выходили из города целыми легионами, разделялись на две партии, выбирали себе предводителя, а затем строили близ палисадника себе лагерь из камыша. В бумажных шапках и лядуницах, с бумажными хлопучками и знаменами нападали, сражались, рубились лубочными саблями, кололи друг друга легкими тросточками, отбивали знамена и с трофеями победы при звуке трещоток, тазов, сковород, с песнями и гребешковой или дудочковой музыкой торжественно возвращались в город» [6. С. 157].

Вместе со взрослыми подросткам удавалось побороться в кулачных боях: «Все ребята обычно разделялись на две партии, жители одного конца станицы идут против жителей другого конца станицы «стенкой на стенку». Сна-

чала обыкновенно засылают маленьких казачат, которых «травят» друг на друга. Мальчишки набегают друг на друга верхом на палках, вооруженные прутьями, с криками «ура!». Вслед за ними выступают и взрослые» (по материалам М. Харузина из станицы Камышевской). Взрослые казаки приветствовали участие детей в таких «потешных» забавах. Подросткам-победителям войсковой атаман или старые казаки вручали трофеи. Поощряя детей, они инициировали приобретение опыта социально активного, подлинно казачьего поведения, приоткрывали перед ними перспективы будущей жизни. Качества отваги, удалства приобретали для детей лично ожидаемый характер. В сжатом виде модель такого социально активного поведения можно проиллюстрировать на примере стихотворения «Казачонок» [4].

С печи спрыгнувши на лавку, (необходимость вооружаться)
Отстрогал он пикой палку.
Камышинку оседлав, (готовность к немедленному участию в походе)
С гиком бросился, стремглав.
Что ни встретит — колет, (моделируется ситуация поведения на поле
рубит: кур, индеек и гусей, брани)
И победу громко трубит (проектируется лично ожидаемый
Гордый силою своей. момент достижения)

По существу, в данном стихотворении описана режиссерская игра маленького казачонка, вооруженного подручными средствами, лихого наездника, сражающегося с «потешными войсками» кур, индеек и гусей, замещающих в игре неприятеля. В игровых способах действия, описанных в стихотворении, представлена своего рода программа формирования вековых характеров, соответствующая социальным установкам донских казаков.

Одним словом, игры и игрища, в которых участвовали малолетки, подростки, дети более младшего возраста, способствовали приобретению таких личностных качеств, которые необходимы были ребенку для последующего участия во взрослом возрасте в военных походах: решительность, храбрость, отвага, готовность к молниеносным военным действиям, умение пользоваться оружием.

Такого рода игры обеспечивали поддержание традиций военно-сословного воспитания, распространенного в казачьей среде.

Игры другой группы, отражающие особенности земледельческой деятельности взрослых, крестьянского и семейного быта, были распространены среди детей 5—12 лет. Одна из них, под названием «Редька», описана В. Секретевым. В нее играли дети 7—8 лет. Из числа играющих избирались «матка», «торговка», остальные дети были «редькой». «Торговка» заводила с «маткой» разговор, желая купить «редьки». Обращаясь несколько раз, она получала отказ: «Нет еще редьки, только пашут дети»; «Нет еще редьки, только ростки пускает, только всходит, только завязывается». Одновременно дети разыгрывали в пантомиме весь процесс роста «редьки, растопыривая пальцы рук, приставляли их к земле (ростки пускает), прикладывая ладони друг к другу, поднимали их вверх (всходит). После того как «редька» выросла, «торговка» вырывала ее из земли, т. е. хватала одного ребенка и имитировала в действии, будто вырывает и отряхивает редьку от земли. Собрав всю «редьку», «торговка» посылала одного из детей к матери: «Ну, меньший, иди теперь звать свою матку ко мне в баню париться!». В «бане» дети становились в два ряда лицом друг к другу. На их сцепленные руки как на полку в бане ложилась «матка», а дети прихлопывали ее руками — «парили веником». Данная игра объединяет в себе несколько экологически и социально взаимосвязанных сюжетов: вспашку земли, посев и уборку редьки, покупку и продажу, отдых в бане. Игрная роль «матки» и «торговки», дети включались в бытовые сценки диалога по поводу купли и продажи редьки, приглашения попариться в бане. Дети, игравшие роль «редьки», своими действиями, сходными по содержанию с древними культами «аграрной магии», символизировали этапы ее роста. Смысловая нагрузка в играх детей многих народов мира иная, чем в культах древ-

них земледельцев. В Японии, Китае, например, известны игры, сопровождающие процессы сева риса, в которых участвуют и дети, и взрослые. В Германии играют в игру «Armziehen» — тянуть за руки, символизирующую процесс уборки урожая репы.

В описанной выше игре «Редька» — сюжет выращивания практически не содержит магического смысла, как в специальных магических действиях древних земледельцев, а приобщает детей к усвоению необходимых в быту сведений о последовательности роста и развития растений и соответствующих им сельскохозяйственных операциях земледельцев, а также о том, что после работы следует отдых, в данном случае — в бане. Игра по своему содержанию сюжетно-ролевая. Актуальность ее становится очевидной в связи с тем, что историческое время ее распространения соответствует переходу казаков к оседлому образу жизни. Наблюдая за сельскохозяйственным трудом взрослых, дети отражали свои впечатления об этом труде в игре.

Игра «Дергач», изобретенная русским народом с целью «посмеяться от безделья» [13. С. 163], широко распространена была и на Дону. Игра совершалась на току, где молотили хлеб. К колу, стоящему в центре каждого тока, привязывали бечеву, а к ее концам — двух играющих с завязанными глазами. Один из них был птицей (дергачом), а другой — охотником. В руки играющему роль дергача давалась палка с вырезанными в ней зубцами, вроде рубля, которым катали белье, и небольшая палочка, которой играющий роль дергача извлекал звуки, подражая тем самым крику птицы. В руках охотника был кнут или жгут. Охотник, прислушиваясь к звуку, изловчался ударить дергача кнутом. Прوماхи охотника, неловкие действия дергача вызывали немолкаемый хохот со стороны зрителей. Такая веселая, на первый взгляд, игра знакомила играющих с повадками птицы и необходимыми охотнику навыками, прежде всего связанными с умением по звуку определять ее местонахождение, обеспечивая удачную охоту. Эта игра раскрывала особенности деятельности охотника, построенной на очень тонких взаимоотношениях с миром природы.

Этнокультурный контекст семейного быта отчетливо виден в таких играх, как «Коршун», «Игра в детки» (записаны В. Секретевым). Игра «Коршун» сложна и многообразна по своему сюжетному и ролевому наполнению и раскрывает возможности для разыгрывания сюжетов между «маткой» и «детьми», между «детьми» и «коршуном». В игре участвовали «коршун», «матка», «красная девица», остальные дети выполняли роль «детей». Можно полагать, что стоящие вереницей дети во главе с «маткой» олицетворяли большую крестьянскую семью, в которой все дружны, пока вместе и держатся друг за друга. Именно в таком состоянии семья крепка, и «матка» стремится, чтобы ни один из ее детей не оторвался от вереницы и не попал в руки «коршуна». В диалогах между «маткой» и «коршуном» в обобщенном виде представлена идея противоборства добра и зла. По мнению И. П. Сахарова, эта игра была любима в России всеми сословиями. Коршун в ней строгий семьянин, наседка — сердолобивая мать, скрывающая недостатки своих детей, цыплята — шаловливые, милovidные детки. В основе игры может лежать более древний сюжет сохранения рода, семьи, противодействия коршуна, уводящему детей в «полон». Мотив похищения детей сопоставим также с инициальными обрядами своего.

Донской вариант игры наиболее близок играм, записанным Е. А. Покровским в Кубанской и Терской областях.

Участниками «Игры в детки» были, как правило, девочки. Одна из них выполняла роль «торговки», а все остальные садились друг против друга, причем одна из девочек была «матерью», а остальные — ее «дети». «Торговка» обходила сидящих в кругу с предложениями: «Кума, кума, продай дитя!». На это всякий раз получала отказ. Наконец торговка находила желающую продать дитя, но при определенных условиях: «Купи, да шить научи, в церковь води, корми, одевай, обувай, в люди не посылай». После этого диалога «мать» и «торговка» пожимали друг другу руки и бежали в противоположные стороны от места, где оставалось «дитя», стараясь прежде другой прибежать к этому месту, и кто вперед прибежит, тот и становится «матерью», а неуспев-

ший — «торговкой». На мать, продавшую своего ребенка, со стороны играющих сыпались восклицания: «Прогуляла дитя, пьяница, пропойца! Прогуляла да чужих добивалась! Возьми у меня котенка». Отдача детей в люди, в услужение, замуж всегда была печальна для родителей, а у окружающих вызывала негативное отношение. В игре затронуты размышления о том, как непросто это явление, и о том, какая внутренняя борьба имеет место между материнскими, родительскими чувствами и необходимостью сделать это.

Среди казаков были известны игры, в которых отражались такие «мирные» темы, как сватовство и выбор невесты, семейные взаимоотношения, а также игры, приуроченные к церковным праздникам, поучительные и несущие определенную информацию.

Во многих играх взрослых казаков обнаруживается присутствие элементов, так или иначе касающихся взаимоотношений полов. Однако и взрослые игры здесь становились средой обучения поведению, примером для подражания. Рассмотрим несколько примеров. Одной из любимых забав взрослой молодежи была хороводная игра «Дон Иванович» (описана А. Терещенко). Действие игры происходило на лугу. Девушки, взявшись за руки, становились в кружок, приглашая в свой хоровод парня. Он выходил на середину и выполнял роль жениха — Дона Ивановича. Девушки заводили хороводную песню, выполняя движения в соответствии с ее словами, разыгрывали сценки «заигрывания» жениха Дона Ивановича со вдовушкой. Обращаясь ко вдовушке, жених получал отказ: «Не твоя, сударь, слуга, я не слушаю тебя». После этого жених заигрывал с девушкой, и сценка заканчивалась согласием выйти замуж: «Я твоя, сударь, слуга, я послушаюсь тебя». Из простой песни о Доне казаки сделали хороводную забаву. «Игра «Дон Иванович» есть не песнь, а целая дума», — пишет о ней А. Терещенко [1. С. 265]. В игре обнаруживает себя традиция боготворить реки, которая уходит своими корнями в далекое прошлое языческих славян, поклонявшихся воде и рекам — Дунаю, Бугу, Волхову. Н. М. Карамзин отмечал, что «российские славяне приписывали озерам и рекам некоторую божественность и святость» [7. С. 132]. В описанной А. Терещенко игре мы, очевидно, имеем дело с соединением наиболее древних по происхождению традиций славян, проявившихся в восхвалении своей реки с семейно-бытовыми традициями сватовства, выбора невесты, которые появились на Дону в период, когда семейные отношения стали приветствоваться казаками.

Тема выбора невесты звучит и в хороводной игре «Казачок удалой», участники которой — девушки, водившие хоровод, и казак, а в старинной казачьей игре «Утка» звучит тема нравственного поведения, женатых и др.

Широко распространенные во время святок «свадебные» хороводы символизировали отношения полов между парнем и девушкой, между мужем и женой. Действующими лицами таких хороводов были «перепелочка», «зайнышка», «утка и селезень». Впоследствии эти хороводы утратили первоначальную приуроченность к святкам и сопровождали общение полов, отражая мироощущения молодежи, связанные с явлениями, происходящими в их жизни и предшествовавшими созданию семьи. Они знакомили молодежь с этикой отношений в добрачный период, в семье.

Данного рода игры ценны не только тем, что с их помощью ребенок, ориентируясь в том числе на мнения и отношения людей к определенным действиям, составляет программу своей взрослой жизни, но и тем, что в них идет диалог-размышление о глубинных социальных и нравственных аспектах семейной жизни.

Этническое своеобразие донских «свадебных» хороводов с элементами жениханья, сватовства, выбора невесты обнаруживается в характерных персонажах. Жених в них — «казачок удалой», «Дон Иванович». Словесное сопровождение хороводов содержит свойственные жителям донских станиц обороты речи, а фабульное содержание передает распространенные в казачьей среде представления о женитьбе (на примере хоровода «Казачок удалой»).

В третьей из отмеченных группы игр на первый план выступают движения и действия, совершаемые детьми (тренинговые игры, по классификации С. Л. Новоселовой [9]). Приведем некоторые примеры. Так же, как и среди взрослых казаков, среди детей 5—10 лет распространены были игры в камешки, кремушки, айданчики, разнообразные игры в мяч. В игре «Сороковка» дети подпрыгивали на одной ноге для того, чтобы побыстрее выскочить из круга и перестать быть сорокой. В игре «Крапивное семя» бегали с одной улицы на другую улицу. Игры «Горелки», «Бег взапуски» требовали от участников умения ориентироваться на местности, быстро убежать и догонять противника. Донской вариант игры «Лапта», игры в маткового, получившей свое название по игровому имени предводителя игры, лучшего игрока, был своеобразной «школой» мяча. Участники игры «Длинная лоза» становились в линию, в затылок впереди стоящему. Каждый при этом нагибал спину, кроме последнего, которому необходимо было прыгнуть через каждого нагнувшего спину и, забежав вперед, встать первым. В игре всем предоставлялось право и прыгнуть через спины других игроков, и самому подставить спину.

Сходная с игрой «длинная лоза» — игра «Шагардай», в которой все играющие делились на две партии. Играющие одной партии становились один за другим в затылок лицом к плетню или стене, первый упирался лбом в стену или плетень. Он наклонял туловище параллельно земле, а следующий, принимая точно такое же положение тела, упирался в первого играющего, за него брался третий и т. д. Остальные играющие, как только устраивалась первая партия, разбегались издалека, и один за другим вскакивали верхом на спины стоящих. Когда вторая партия игроков усаживалась, начинались причитания нараспев:

*Шагардай, дай, дай
Шагардайский конь,
Побежал в Москву подтесать доску.
На соломинку с коня долой!*

Все эти так называемые тренинговые игры были ориентированы на физическую подготовку детей, включали элементы бега, разнообразные виды метания, прыжки. С их помощью дети приобретали необходимые в жизни ловкость, быстроту, меткость, прыгучесть и другие важные качества.

Весь массив описанных в литературных источниках игр взрослых казаков и детей представляет своеобразную «игровую биографию» этноса и интересен тем, что служит в какой-то мере ключом к пониманию каждодневной жизни казака.

Вся жизнь донского субэтноса происходила в определенных взаимоотношениях с многообразной окружающей средой, и в результате этого взаимодействия складывался взгляд на внешний мир изнутри, из глубин этноса. Этот взгляд отражал причастность человека к родовым видам деятельности (Я. Я. Рогинский), к миру природы и миру людей. В отдельных играх в обобщенном виде прослеживаются особенности военного быта, составлявшего «предмет всех желаний казака». Они складывались в периоды истории донского казачества, когда военный промысел обеспечивал казаку его существование, и были направлены, начиная с детства, на развитие необходимых качеств — меткости, хорошего глазомера, ориентировки на местности. В «военных играх» происходила экстраполяция ценностей казачьего братства, героизма, удалства в сферу игровой культуры. В данном случае игры были вновь приобретенной вариацией культурной традиции. Сыпчины, джигитовки, другие военные поединки и игрища служили основой для проигрывания актуального для субэтноса в данное время социального содержания.

«Мирные» игры с темами сватовства, выбора невесты отражали особенности земледельческой деятельности и крестьянского быта, которые сформировались как культурный комплекс в те периоды истории, когда донское казачество перешло к оседлому образу жизни и семейный быт, занятие земледелием приобрели для казаков значимый характер.

Логика единства военного и «гражданского» начал, свойственная для многих культурных традиций донского казачества, присуща и их играм. Так,

единство праздничных («гражданских») и военных традиций актуально для игр типа «Ссыпчины». В играх «Казачок удалой», «Дон Иванович» заключены особенности семейно-бытовых отношений и отражаются мировоззренческие установки казака-воина.

Многие донские игры, обнаруживая черты сходства с древнейшими традициями языческих славян (вызов весны, боготворение рек, и др.), скотоводческих народов (джигитовки), с играми народов России и мира, приобрели свою этническую специфику.

Систематизация всего массива игр (схема 1 на С. 190) показывает, что игры взрослых казаков и игры детей отражают многие отдельные стороны жизни субэтнуса: взаимоотношения в коллективе, в том числе взаимоотношения полов и семейный быт, военный быт, праздничные традиции, земледельческий быт и особенности взаимоотношений с природой. В отдельную группу выделены игры, способствующие приобретению физических качеств (тренинговые игры).

Для ребенка традиционные игры выступают в качестве важного источника информации об окружающей действительности, о культурном мире, в котором он живет, растет, развивается. И в этом плане такие игры реально выступают в качестве этнического образовательного пространства, обогащающего представление детей о различных сторонах социокультурной жизни этноса.

Образовательное пространство традиционной игры было ориентировано на те социально адекватные жизненные ценности, знание которых считалось необходимым для каждого члена этнической группы. (Важно, что черты казачьей принадлежности воспитывались в детях и благодаря инициальным обрядам.)

Традиционная игра в данном случае выступает в качестве одного из древнейших образовательных институтов. В отсутствие других форм образования она служит средством и способом обеспечения полной сохранности и передачи от поколения к поколению всех жизненно необходимых навыков. Социальное пространство традиционной игры специфично в том отношении, что создавало совместность игрового бытия, вертикальную включенность в него взрослых, юношей, подростков, детей.

Такая форма приобретения жизненно необходимого игрового опыта соответствовала психологическим поведенческим установкам казака, способного лишь в этнически родственном и значимом для него коллективе проявить в наибольшей степени свои лучшие качества.

Вся палитра игр, фабульное содержание которых описано в литературных источниках прошлого века, представляет этнический по своему составу текст, в постоянном диалоге с которым происходила передача *в обобщенной знаковой форме накопленного родового опыта деятельности, ценностей и отношений, приветствуемых этнической группой*. Традиционные игры служили гарантом сохранения и *трансляции вековых психологических типов, обеспечивая адаптацию последующих поколений к жизни в этносе*, к решению тех или иных жизненных задач в соответствии с изменяющимися историческими и культурными условиями среды.

Психологический механизм осуществления этого процесса заключен в овладении последующими подрастающими поколениями (детьми) этническим игровым опытом деятельности, отражающим весь исторически пройденный путь своих предков, когда в игре, освобожденной от зарежимленности реальной деятельности, и вне ее формировались (в частности, на уровне подражания и освоения определенных знаковых форм поведения) важные, необходимые в целом и этнически значимые принципы организации жизнедеятельности.

Традиционная игра являлась, таким образом, исторически и культурно обусловленной, этнически ценной образовательной средой развития ребен-

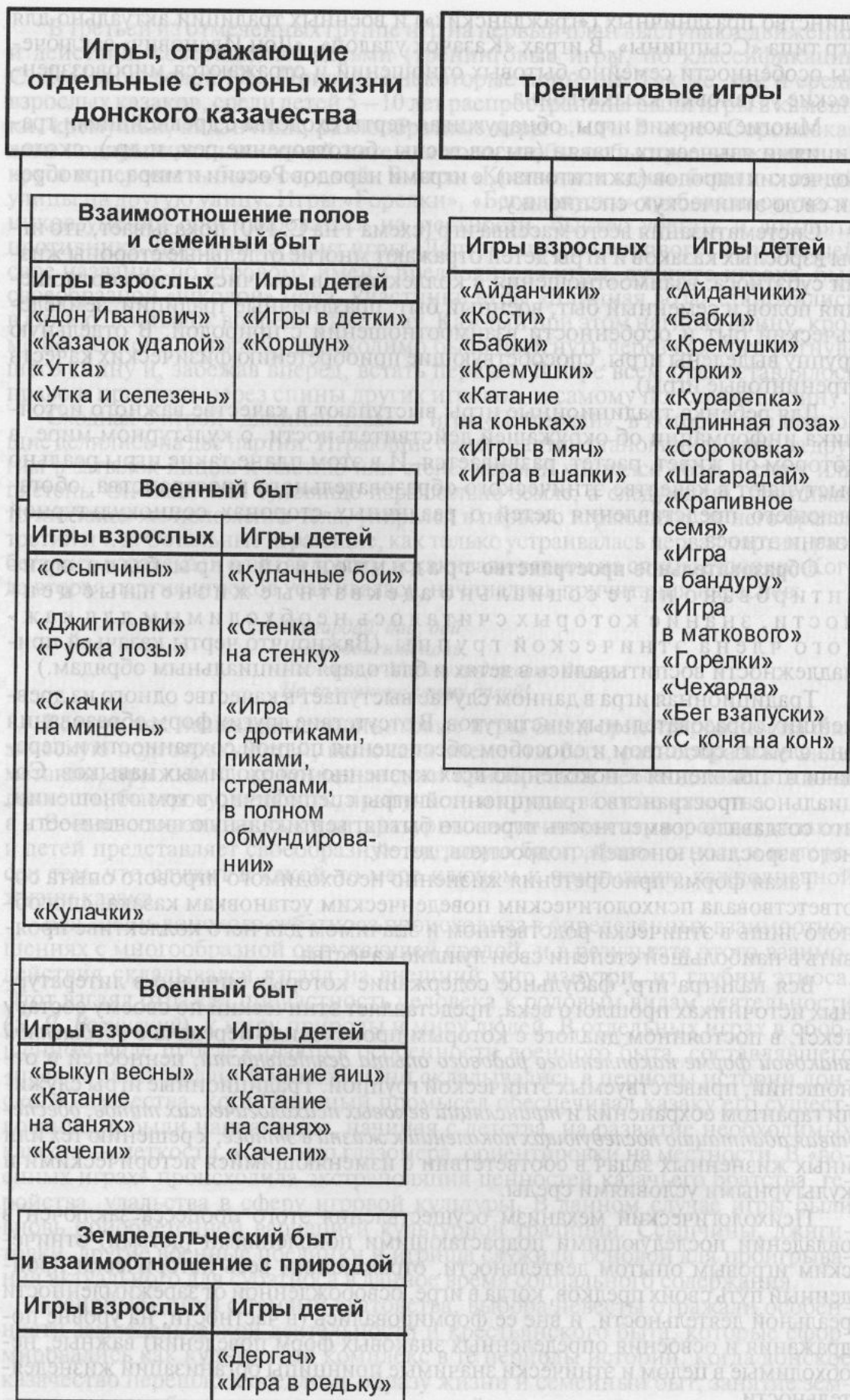

Схема 1.

Систематизация традиционных игр Дона, описанных в литературных источниках

ка, привития ему этнической культуры (в отсутствие других форм образования) и особой формой ее в рамках общего воспитания.

Литература

1. Быт русского народа / Соч. А. Терещенко. — СПб., 1848. — Ч. IV: Забавы. Игры. Хороводы.
2. Головачев В. Народный театр на Дону / В. Головачев, Б. Лащилин. — Ростов н/Д, 1947.
3. Детские игры, преимущественно русские, Е. А. Покровского. — М., 1895.
4. Донская хрестоматия для донских народных школ / Составлена под ред. Л. В. Богачевского, А. А. Киримова, И. И. Ногина, А. И. Петровского, Х. И. Попова. — Новочеркасск. 1918.
5. Исторические сведения о Верхне-Курмоярской станице 1818 г. Евлампия Котельникова. — Новочеркасск, 1886.
6. Казаки: Донцы. Кубанцы. Уральцы. Терцы / Составил К. Абаза: Очерки из истории и стародавнего быта в общедоступном изложении. — СПб., 1890.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского: В 4 кн. — Ростов н/Д, 1989. — Т. I—III.
8. Котельников Е. Были донской станицы // Донские казаки в походе и дома. — Ростов н/Д, 1991.
9. Новоселова С. Л. Генетический метод в исследовании игры и ее классификации // Этнопедагогические проблемы обучения и воспитания: Материалы международной научно-практической конференции. — М., 1999. — С. 248—250.
10. Описание донской земли и кавказских минеральных вод В. Броневского. — СПб., 1834. — Ч. 1.
11. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. — Л., 1963.
12. Сведения о казачьих общинах на Дону: Материалы для обычного права, собранные М. Харузиным. — М., 1885.
13. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым: Сборник. — М., 1990.
14. Статистическое описание войска донского / Сост. С. Номикосов. — Новочеркасск, 1884.
15. Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях: Исторический очерк. — Новочеркасск. 1892.

Педагогические проблемы образования растущего человека

Филиппова Л. В., Лебедев Ю. А.

Педагогические технологии развития ребенка-дошкольника (принципы организации и результаты действия комплекса научно-практических разработок)

Актуальность разработок для центров содействия развитию детей дошкольного возраста

Поиск возможностей обеспечения здорового и гармоничного развития подрастающего поколения является наиважнейшей проблемой сегодняшнего дня. Особую остроту проблеме придает все возрастающий кризис гуманистических начал, распространенный и на образование. Провозглашение идеи поворота к индивидуальности каждого ребенка в значительной степени «топится» в реальной ситуации современного детства, практически выпавшего из сферы повышенного внимания общества. Это проявляется, в частности, не только в закрытии дошкольных образовательных учреждений (не только в силу собственно демографических причин), сведении к минимуму специализированных структур, обеспечивающих формирование детского социума и развертывание систем связей взаимодействий, но и, главное, в характере отношений взрослого мира к детству в целом. Главной в этом плане является потеря ответственности в отношениях и самого отношения в его